

Впервые опубликовано в журнале «Славик ревью»: Loukianov M. Conservatives and 'Renewed Russia,' 1907–1914 // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 4. P. 762-786.

Размещено с согласия издателя журнала – Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies.

КОНСЕРВАТОРЫ И «ОБНОВЛЕННАЯ РОССИЯ», 1907-1914*

В исторической литературе утвердилось представление о том, что курс на реформы «сверху» был свернут еще до начала первой мировой войны¹. Избирательный закон 3 июня 1907 г. превратил консервативное провинциальное дворянство в доминирующую силу в выборных учреждениях². Государственный Совет вполне успешно противодействовал политике реформ³. Казалось бы, у консерваторов были все основания примириться с новым политическим порядком, почувствовать себя вполне уютно в «обновленной России»⁴.

Однако в работах Р. Эделмана, Д. Макдональда, Ю.Б. Соловьева, и других исследователей отмечается, что многие консерваторы были недовольны российской действительностью кануна первой мировой войны⁵. Иначе говоря, существовал некий конфликт между консерваторами и статус-кво. Анализ и интерпретации этого явления и посвящена предлагаемая статья.

Разрыв между российскими консерваторами и предвоенным статус-кво еще не стал объектом специального изучения. Между тем, этот разрыв сыграл роковую роль в судьбах российского консерватизма и всей третьеиюньской системы. Нежелание консерваторов защищать постреволюционный политический порядок сделало его падение практически неизбежным. Для российского консерватизма отречение Романовых от престола означало катастрофу, ибо гибель монархии попросту лишила смысла российскую консервативную доктрину в том виде, в каком она сложилась к этому времени. С другой стороны, отсутствие прочной поддержки справа ослабило власть и способствовало ее стремительному разрушению в марте-феврале 1917 г. Как пророчески писал еще в 1911 г. видный консервативный теоретик Л.А.Тихомиров, «обыкновенно каждый строй именно и гибнет таким образом не от силы врагов, а от непригодности своих защитников»⁶.

Я старался, по возможности, расширить круг используемые источники, чтобы были «услышаны» не только столичные консервативные политики и публицисты, но и их провинциальные коллеги, чтобы дать возможность судить о консервативных идей-

но-политических установках не только по публичным заявлениям, но и по высказываниям, рассчитанным на конфиденциальность.

Я стремился показать весь диапазон взглядов консервативных политических группировок - от наиболее непримиримого Всероссийского Дубровинского союза русского народа до сравнительно умеренного Всероссийского национального союза, от правых Государственной Думы до думских «консерваторов-конституционалистов» (группы Центра).

Утверждение о конфликте между консерваторами и статус-кво может показаться нарочито парадоксальным. Консерватизм традиционно понимается как реакция на вызов существующим социальным структурам и, следовательно, как идеология защиты статус-кво⁷. В обычных условиях такого рода подход – действительно, *raison d'être* консервативной политической позиции. Однако в периоды бурных общественных перемен, которые сами могут восприниматься консерваторами как катастрофа, новая, уже «катастрофическая», реальность зачастую вызывает у них отвращение. Поэтому критика существующих институтов справа принципиально вполне совместима с консерватизмом.

В качестве примера консервативной критики статус-кво можно сослаться на неприятие результатов Великой Французской революции классиками западноевропейского консерватизма - Э. Берком, Ж. де Местром, Л. де Бональдом. Для выступления в защиту того или иного социального порядка требовалось гораздо более веское основание, чем сам факт его существования. Этот порядок должен был соответствовать представлениям консерватора об адекватных формах социальной организации, в то время как реальность могла им противоречить⁸.

Накануне первой мировой войны резко критическое отношение к действительности было характерно для политических сил, располагавшихся правее октябристов. Свой «символ веры» они выражали формулой «Православие. Самодержавие. Народность». Это отнюдь не исключало серьезных расхождений в трактовке уваровской триады. Если сторонники А.И. Дубровина делали упор на «Самодержавие», то националисты - на «Народность»⁹. Еще более существенные разногласия возникали на почве практической политики. Дубровинцы принципиально воздерживались от участия в парламентской деятельности, яростно критиковали саму идею представительного

правления. В то же время националисты и думские правые активно работали в представительных учреждениях, использовали парламентские методы для достижения своих политических целей. Однако, несмотря на все эти различия, российская консервативная доктрина, в целом, оставалась крайне архаичной и более напоминала европейский консерватизм рубежа XVIII-XIX веков, чем его европейские разновидности кануна первой мировой войны.

* * * * *

Описывая свои представления об оптимальной организации системы власти в России, центральное место в ней консерваторы отводили самодержавию. Самодержавие выступало как главный элемент, «несущая конструкция» российской государственности.

Защита прерогатив самодержавного монарха имела для российского консерватора существенно большее значение, чем защита привилегий этноконфессионального большинства. Хотя основная масса консерваторов вполне в духе официального политического курса рассматривала Российскую Империю как Империю Русскую¹⁰, некоторым из них казалось, что демонстрация благожелательного отношения к национальным меньшинствам способствовала бы укреплению социально-политической стабильности. Далеко не все консерваторы использовали шовинистическую риторику и поддерживали такие акции властей, как пресловутый «поход на Финляндию» или создание Холмской губернии. Более того, часть консерваторов ставила под вопрос целесообразность ограничений гражданских прав евреев. В числе оппонентов откровенно шовинистического курса выступали и сторонники консервативной реформы, и противники каких бы то ни было реформаторских начинаний. Их объединяло лишь стремление обеспечить примат общегосударственного, общеимперского начала над узконациональными интересами, в том числе и этнического большинства¹¹.

Что же касается самодержавия, то необходимость его защиты не вызывала никаких сомнений. Доказывая, что разделение властей несовместимо с русской политической традицией, ведущий идеолог националистов М.О. Меньшиков писал: «Наша конституция должна быть строго-монархической, где Верховная Власть должна почитаться не третьим только членом республиканской троицы, не “исполнительной” лишь дробью, а основной единицей, от которой должны идти непрерывные ступени

властей»¹². Редактор «Гражданина» В.П. Мещерский уточнял знаменитый тезис своего деда, Н.М. Карамзина, о самодержавии - «палладиуме России». «Пусть в Европе кичатся своими конституциями; Россия одна в Европе требует своего пути к развитию и к будущему, и этот путь обратный европейскому пути: он требует строгих рамок для представительства и для правительства, ибо уже пахнет духовным растлением во всех высших слоях общества, и полной силы и полной свободы Верховной власти, ибо она одна осталась чистой и нетронутой ядом растления...»¹³. Такое сходство в оценке роли русской монархии поборником консервативных реформ (Меньшиковым) и их последовательным противником (Мещерским) свидетельствовало о колоссальном значении самодержавия в идеологии российского консерватизма, независимо от оттенков¹⁴.

Правда, общность взглядов в этом вопросе не исключала и определенных вариаций в понимании специфических достоинств самодержавия. Для председателя Русской монархической партии, редактора «Московских ведомостей» В.А. Грингмута важнейшим достоинством самодержавия было всевластие монарха, его способность справиться со своеволием чиновников. «... Он одним почерком пера может выгнать негодного чиновника и заставить суд применять законы по всей их строгости к казнокрадам, чего не может сделать какой-нибудь президент республики, который выбирается только на три, на четыре года и никакой власти не имеет, а только подписывает подаваемые ему бумаги»¹⁵.

Знаменитый правый думец В.М. Пуришкевич, говоря о самодержавии, подчеркивал его разумность и просвещенность: «Для нас Царское Самодержавие не деспотия, а просвещенный абсолютизм»¹⁶. А вот другого думского правого, И.И. Балаклеева, этот тезис определенно смущал. Для него наиболее важной стороной самодержавной власти был патриархальный характер, близость к нормам повседневной народной жизни. «Народ представляет себе Государя отцом большого семейства русского народа, отцом России. Он рисует себе Его именно в образе отца, и отца всегда представляет себе как главу, который не подлежит контролю, так сказать, и давлению со стороны детей: дети беспрекословно повинуются его воле». В соответствии с этим идеалом, и царь не может отказаться от выполнения своих «отцовских» обязанностей. «...Народ

никогда не представляет Государя таким абсолютным монархом, который по своему произволу мог бы отдать Россию, кому Ему вздумается»¹⁷.

Оценивая государственный строй, созданный политическими реформами революционного периода, консерваторы утверждали, что его основа осталась той же, что и до 1905 г. «Царское Самодержавие, как было, так и остается незыблемым. Оно является краеугольным камнем даже этого «нового строя», которому хотят навязать роль соперника Самодержавной монархии», - считал один из руководителей Союза Михаила Архангела Н.Д. Облеухов¹⁸. «Русская государственная власть осталась такой же, какой она была встарь – властью Всероссийского Императора», - доказывал крупнейший консервативный государствовед этого времени, декан юридического факультета Новороссийского университета профессор П.Е. Казанский¹⁹.

Консерваторы заявляли, что монарх сохранил право на действия в качестве верховного законодателя²⁰. Фактически это означало, что воля государя оставалась легитимным источником законодательства, и царь в любой момент мог изменить нормы закона по собственному усмотрению. Такое понимание монаршей прерогативы, в сочетании с сохранением в руках самодержца всей полноты исполнительной власти, позволяло заранее оправдать любой шаг императора. Идея правового государства, предполагающего наличие неотъемлемых прав и свобод у граждан и возможность воздействия судебной власти на власть исполнительную, оставалась абсолютной чуждой российскому консерватизму.

Однако одновременно это взваливало на царя всю ответственность за положение в стране. И, коль скоро многое в российской политической действительности не устраивало консерваторов, немалая доля вины за это ложилась на монарха. Идеализируя самодержавие как институт, многие консервативные политики и идеологи не проявляли никакой склонности идеализировать конкретного самодержца.

Особенно их беспокоила непоследовательность Николая II, невозможность на него положиться. «Вообще про царя нашего можно сказать, что он – загадка, сегодня он правый, а что завтра будет, покрыто мраком неизвестности», - передавала эти настроения хозяйка петербургского консервативного салона А.В. Богданович²¹. О том же писал и близко знавший Николая II славянофильский публицист, генерал А.А. Киреев: «Государь... до такой степени шаток, что на него нельзя рассчитывать»²². И своими

действиями, и своим бездействием царь явно разочаровал монархистов. «...Какой ужас жить в царствование Николая II и знать столько, сколько я знаю, и понимать безнадежность будущего лет еще на 12 – 15!», - писал в дневнике один из организаторов правых политических формирований, близкий к Дубровину Б.В. Никольский²³. Есть все основания согласиться с мнением А.П. Бородина о том, что недовольство императором было широко распространено среди правых²⁴.

Негативное мнение о царе дополнялось негативным мнением о его близких. Притчей во языцех стала императрица Александра Федоровна: говорили о ее связи с фрейлиной Вырубовой²⁵. Никольский писал об «эротоманстве» императрицы и всей императорской семьи²⁶ и даже констатировал «гниение династии»²⁷. В негативном свете императорская семья представлялась и в провинции. «Ныне присоединились династические осложнения, о которых в провинции рассказывают Бог знает какие мерзости», - сообщал в частном письме бывший председатель фракции правых в III Государственной Думе А.С. Вязигин²⁸.

Объектом ненависти многих консерваторов стал фаворит последних Романовых – Г.Е. Распутин. Его смерть Никольский считал условием успешной реализации своих планов. «Положительно необходимо хирургическое устранение Распутина. Другого исхода нет»²⁹. А В.М. Пуришкевич, судя по появившимся в печати сведениям, угрожал покончить и с самим царем³⁰. Трудно выяснить, насколько достоверной была эта информация и насколько серьезными были намерения импульсивного Пуришкевича. Но разговоры о необходимости самых радикальных действий многие консерваторы вели постоянно³¹. По словам хорошо информированного о настроениях в русской элите князя М.М. Андроникова, среди правых имелись те, кто был готов пожертвовать самодержцем во имя идеи самодержавия³².

При этом о серьезных идейных разногласиях консерваторов с Николаем II не было и речи. Его политические взгляды полностью вписывались в рамки консервативных представлений о русской государственности³³. Дело было в другом: не устраивали конкретные шаги и личные качества самодержца, не отвечавшие требованиям, которые ревнители самодержавия предъявляли к личности монарха. На это указывал в своих воспоминаниях член Правой группы Государственного Совета А.Н. Наумов: «Болезнь наследника, нервность императрицы, бесхарактерность государя, появление

Распутина, бессистемность общей политики – все это заставляло честных и серьезных государственных людей задумываться о положении вещей и не без опаски смотреть на неопределенное будущее... Настроения эти, главным образом, нарастали среди лиц консервативного направления, не видевших предела неопределенности политики, вызываемой болезненной неустойчивостью характера государя»³⁴.

В результате монархическая идея обращалась в оторванную от реальности абстракцию, а Николай II становился «ненастоящим царем», недостойным поддержки и защиты. Представляется возможным уточнить мнение Р. Уортмана о том, что «символическое отречение Николая II от престола состоялось задолго до того, как он оставил трон в феврале 1917 г.»³⁵. «Символическое отречение» царя инициировали те, кто больше других ратовал за сохранение самодержавия как института.

Положение о необходимости сохранить за царем всю полноту власти отразилось и на отношении консерваторов к правительству. В идеале все выглядело ясно и просто: правительство назначается императором из числа наиболее компетентных и преданных людей ради реализации императорских помыслов. Естественно, что решающая роль в определении политического курса отводилась государю, а не главе правительства. «Московские ведомости» выражали недоумение по поводу толков в печати насчет преемственности политической линии П.А. Столыпина и В.Н. Коковцова. Газета объясняла, что новый премьер будет осуществлять не «политику Столыпина», а курс, который император указывал и Столыпину, и Коковцову³⁶. «Правительство русское – это Его (государя.- *М.Л.*) присяжный доверенный, призванный заботиться о том, чтобы всем в Империи чувствовалось и жилось хорошо...», - доказывалось в брошюре московского Русского монархического союза³⁷.

Казалось, преданность монарху требовала поддерживать правительство и не допускала оппозиции ему. «Мы будем помогать министрам, потому что они облечены доверием нашего Государя...», - заявлял с думской трибуны один из лидеров умеренно-правых В.А. Бобринский. Он подчеркивал, что речь шла о безусловной поддержке, «помимо всяких соображений о нашем доверии или недоверии тому или иному министру или же всему министерству в совокупности»³⁸. «На Западе, где правительство выборное, понятие “оппозиция” имеет смысл; там оно обозначает “оппозицию правительства”; это и понятно, и логично. Но у нас - правительство, назначенное Монар-

хом, облеченное его доверием, и потому именуется Императорское Правительство. Быть в оппозиции с Императорским Правительством, это значит быть в оппозиции с Монархом», - поддержал рассуждения Бобринского редактор петербургского правого еженедельника «Объединение» С.К. Кузмин³⁹. Наиболее последовательно этого подхода придерживались националисты, ставшие в III Думе надежной опорой Столыпина.

Другие консервативные политические группировки таких симпатий к главе министерства и его курсу не проявляли. Даже сторонники лояльного отношения к правительству часто признавали его несовершенство и оправдывали проправительственную линию исключительно соображениями политической тактики. «...Его (правительство. – М.Л.) придется бросить только тогда, когда у нас объявлена будет самим правительством конституция, а до тех пор нужно спасать наше никуда не годное правительство, его нужно спасать, несмотря на то, что оно, само не понимая, что оно делает, мешает своему спасению, отталкивает спасающих», - разъяснял свою позицию А.А. Киреев⁴⁰.

В течение всего рассматриваемого периода среди консерваторов присутствовали ярко выраженные антиправительственные настроения⁴¹. Враждебность официальному курсу часто даже не считали нужным скрывать и толковали как нечто само собой разумеющееся. «...Было бы более чем странно предполагать, чтобы г. Столыпин в сотрудничестве с Коковцовыми, Кауфманами-Герасимовыми, Щегловитыми и иными, вдохновляемые своими еврейско-польскими канцеляриями, стали проводить в жизнь государственные идеалы гг. Дубровина, Грингмута, Пуришкевича, Пихно, Самарина и других истинно-русских людей», - писал консервативный публицист К.Н. Пасхалов⁴².

В частной переписке консервативные оппоненты правительства выражались еще резче, объявляя правительство главным врагом. Показательно в этом отношении письмо известного провинциального консервативного деятеля Б.М. Юзефовича Б.В. Никольскому, датированное 7 августа 1907 г. «...Как теперь суется около думских выборов..., а по мне и Дума, и революция, и террор, и прочая вся дрянь выеденного яйца не стоит, и вся эта мразь ...снялась бы “как дым от лица огня”, если бы в России было правительство», - писал Юзефович. Отсюда делался вывод, что «единственная серьезная задача черносотенцев пока может заключаться только в борьбе против правительства или вернее против тех манекенов, которые правительство изображают. Эти

манекены должны быть изведены. Их надо сбросить и выкинуть, во что бы то ни стало, надо их обличать, выставлять наружу все их глупости и мерзости, дискредитировать их, (т.е. их личности, а не принципы), и добиться замены людьми, а не новыми обезьянами в облике человеческом»⁴³. С Юзефовичем были солидарны многие. В июне 1907 г. видный консервативный сановник, ярославский губернатор А.А. Римский-Корсаков писал, что у столыпинского правительства «все идет, как бы по системе окончательно подрывать всякое уважение к правительству, и русские интересы, видимо, приносятся в жертву жидам»⁴⁴.

31 мая 1909 г. «Русское знамя» констатировало, что правительство действует в согласии с антигосударственными элементами, поэтому консервативная часть граждан враждебно относится к министерству. Упрекая правительство П.А. Столыпина в намерении «ввести у нас конституционный строй», В.М. Пуришкевич публично объявил его «политическим противником»⁴⁵.

Премьеру приписывали диктаторские замашки, обвиняли в узурпации царской власти. «Государь еще царствует или отрекся от престола и своим заместителем сделал Столыпина?» - иронизировал осенью 1910 г. в частном письме С.Ф. Шарапов⁴⁶. Особую актуальность эти претензии к Столыпину приобрели в марте 1911 г. после провала Госсоветом законопроекта о Западном земстве. В ответ на это деятельность Думы и Совета была приостановлена на три дня, чтобы ввести указанную меру в порядке статьи 87 Основных Законов. Одновременно премьер вынудил царя отстранить от работы в Государственном Совете П.Н.Дурново и В.Ф.Трепова, сыгравших ключевую роль в провале законопроекта⁴⁷.

В ответ В.М.Пуришкевич, не оспаривая право императора прибегнуть к 87 статье⁴⁸, обвинил Председателя Совета Министра в стремлении подчинить бюрократическому контролю законодательные учреждения⁴⁹. Как попытку подорвать «консерватизм независимый и стойкий» и заменить его «чиновничьим сервиллизмом» оценил действия Столыпина видный член правой Госсовета Д.А. Олсуфьев⁵⁰. Многие правые увидели в столыпинских маневрах марта 1911 г. кульминацию его политического курса. 23 марта 1911 г. коллега Олсуфьева по фракции С.Д. Шереметев, называя Столыпина «Диктатором», писал вдовствующей императрице о «неизгладимой скорби» от обязанности «присутствовать при разгроме всех основ, поддерживавших нас в тече-

ние жизни». И добавлял: «Теперь ясно, что свобода рук была нужна современному министерству, чтобы подкопать те основания, которые послужили славе и могуществу России»⁵¹.

В этой ситуации только националисты безоговорочно поддержали Столыпина. Они оправдывали действия премьера необходимостью сломить сопротивление противников обновления. «Правительству необходимо было открыто разбить и уничтожить тот тормоз, который парализовал всякие начинания на попроще постепенного развития обновленного строя и национальной политики. Ему нужно было показать населению, что Верховная власть стоит за обновленный строй», - объясняло мотивы правительства «Новое время»⁵².

В то же время правые в Думе и Госсовете открыто продемонстрировали свою враждебность к Председателю Совета Министров. Даже трагическая смерть Столыпина не повлияла на его оценку теми, кто в политическом спектре занимал позиции правее националистов. «Когда подумаешь, кому мы обязаны законом 9 ноября, волостным земством, реформой волостного суда и т.п., то невольно соглашаешься, что большего врага для России со времен Петра I не было, как безвременно погибший в Киеве Петр Столыпин», - писал К.Н. Пасхалову славянофильский публицист Д.А. Хомяков⁵³. Вскоре после гибели премьера «Прямой путь», орган Союза Михаила Архангела, перепечатал чрезвычайно резкую редакционную статью о Столыпине из «Русского знамени». Покойный описывался в ней, как «заурядный человек на первом государственном посту, при огромных полномочиях не сумевший стать государственным человеком и принести Родине хоть какую-нибудь пользу»⁵⁴.

Назначение новым Председателем Совета Министров В.Н. Коковцова только ухудшило отношения этой части консерваторов к правительственным «сферам»⁵⁵. Один из самых ярых ненавистников Столыпина К.Н. Пасхалов отмечал: «...При всем губительном значении для России Столыпина, он все-таки был более русским, чем Коковцов», от которого «ждать укрощения инородцев кажется совершенно безнадежно»⁵⁶. Очевидно, именно этой репутацией объяснялось то, что правые организации первым объектом своего обращения к новому премьеру избрали именно национальный вопрос⁵⁷.

Однако в достаточной мере повлиять на Коковцова не удалось. Во всяком случае, уже за полгода до выборов в новую Думу А.С. Вязигин подозревал Председателя Совета Министров во враждебных намерениях: «Уверяют, будто Коковцов решил, что в IV Государственной Думе не будет никого правее националистов»⁵⁸. И хотя думская фракция правых в результате выборов несколько увеличилась, подозрений меньше не стало. О степени напряженности в отношениях между правительством и правыми наглядно свидетельствует реакция «Прямого пути» на начало работы IV Думы: «Ныне правые составляют в Г. Думе оппозицию, обменявшись местами с кадэками разных разборов, вошедшими в состав правительства. Россия, как известно, страна всевозможных и даже невозможных случайностей, а потому нечего удивляться, что в самодержавной монархии защитники самодержавия – монархисты и националисты - вынуждены быть в Г.Думе меньшинством и состоять в оппозиции правительству»⁵⁹.

Один из лидеров думских правых Н.Е.Марков, довольно сдержанный в отношении П.А.Столыпина, стал вызывающе вести себя в отношении его преемника, а в мае 1913 дошел до личных оскорблений в адрес премьера. Во время думских дебатов Марков заявил, что министерство финансов (глава правительства сохранял за собой пост министра финансов) объединило всю Думу вокруг лозунга «Красть нельзя!»⁶⁰. Ответом на это высказывание стала так называемая «министерская забастовка», и пока Марков не извинился, министры в Думе не появлялись⁶¹.

Смена главы Совета Министров не улучшила и отношения между правительством и дубровинцами, которые не обнаружили принципиальных изменений в намерениях власть имущих. «Правых старых (Союза русского народа) начал еще Столыпин забирать в руки при помощи Пуришкевича, Восторгова, агентов Департамента полиции. Поход продолжается при Макарове с неменьшей силой...», - жаловался известный филолог и историк, активный деятель крайне правых А.И. Соболевский⁶².

Свое намерение дистанцироваться от правительства выразили националисты. Если в период III Думы они фактически солидаризировались со Столыпиным, то в IV - влиятельные члены фракции начали выступать с развернутой критикой правительства. Уже при обсуждении правительственной декларации ведущие ораторы националистов А.И. Савенко и В.В. Шульгин предъявили серьезные претензии к министерству и самому премьеру. Савенко упрекнул Коковцова в том, что ни в декларации, ни

в действиях правительства невозможно обнаружить четкую политическую линию⁶³. Сравнив Коковцова с его предшественником, Савенко заявил, что если Столыпин выигрывал время для России у революции, то Коковцов, наоборот, выигрывает время для революции у России⁶⁴. Шульгин подчеркнул недовольство различных фракций премьером, и интерпретировал это обстоятельство так: «Русская земля не желает поддержать Председателя Совета Министров»⁶⁵.

О настроениях националистов наглядно свидетельствуют донесения специально приставленного для наблюдения за Думой чиновника по особым поручениям Л.К. Куманина. 29 января 1913 г. он сообщил, что лидеры националистов, как и лидеры правых, пришли к выводу: «...Раз глава правительства не с ними, то он против них, и они против него»⁶⁶. В мае 1913 г. М.О. Меньшиков отмечал: «...Самые верные Престолу, самые преданные государству, наиболее патриотические и национальные элементы выступили с беспощадным протестом против государственной политики В.Н. Коковцова»⁶⁷. Возвращаясь к этой теме сразу же после отставки главы правительства, публицист утверждал, что тому пришлось столкнуться не только с «революционной оппозицией», «реакционной оппозицией крайне правых» и «умеренной оппозицией октябристов», но и «несочувственным нейтралитетом» со стороны националистов⁶⁸. Негативное отношение к правительству особенно бросается в глаза при изучении материалов перлюстрации. «...Отныне я революции не боюсь – она, даже она, гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России», - писал А.И. Савенко⁶⁹.

Лишь группа Центра во главе с П.Н. Крупенским выступила в поддержку коковцовского министерства как министерства постепенных и осторожных реформ, гармонизирующих отношения между различными группами населения⁷⁰. Впрочем, эта группа была довольно немногочисленна (по состоянию на начало работы IV Думы - 33 человека), и авторитет ее среди консерваторов был крайне невысок. Об этом, в частности, свидетельствовало обилие и популярность неблагозвучных кличек, которые использовали для обозначения Центра в консервативной прессе⁷¹. Но даже среди членов этой фракции обсуждение деятельности Коковцова вызывало негативные эмоции. «Политикой финансового омерзения» назвал политику премьера П.В. Синадино⁷².

Казалось, замена непопулярного главы правительства на более привлекательную фигуру могла дать шанс наладить отношения правительства с консерваторами. Во всяком случае, позитивные отклики на замену В.Н. Коковцова И.Л. Горемыкиным прозвучали даже в «Новом времени»⁷³, хотя престарелый бюрократ едва ли вызывал особые восторги консервативных реформаторов, каковыми считали себя националисты⁷⁴.

Но вскоре те, кто приветствовал новое назначение, начали сомневаться в возможности кардинальных перемен. Д.А. Хомяков, писавший о «наступлении некоей политической весны», признавался, что «остается еще вопросом, последует ли за весной лето». Он полагал, что требуются значительно более серьезные персональные перемены: «Деятели что-то плохи, а нам, увы, было сказано, что перемен не будет. Не знаю, зачем было это объявлять и отшибать, таким образом, надежду... С теперешними деятелями мы никуда не дойдем, разве что до провалов»⁷⁵. Пасхалов тоже не испытывал оптимизма по поводу возможностей министров: «...По-моему идет глупость за глупостью, промах за промахом. И Горемыкин и Маклаков, понимая положение и его потребности совершенно правильно, делают все, чтобы еще более и более запутаться в расставленных какой-то вражеской рукой тенетах»⁷⁶.

Горемыкин, как и его предшественники на должности премьер-министра, не сумел добиться взаимопонимания с правыми в Государственном Совете. «Законодательная обструкция» продолжалась. Никакие увещания главы правительства не помогли провести через Государственный Совет положение об официальном использовании польского языка в польском городском самоуправлении. Правительство раздражало и противников реформ, и их сторонников. Резкой критике подверг правительственный курс в Думе в апреле 1914 г. один из лидеров левых националистов В.Я. Демченко⁷⁷. «Все надоело, а непроходимая глупость правительства окончательно охлаждает, - писал А.И. Савенко. - Против правительства мы, люди лояльные, идти не можем, но и поддерживать нынешнее правительство не можем. Приходится отойти в сторону и молчать. В этом трагедия русской жизни...»⁷⁸.

Такое отношение к правительству часто выступало как производное от отношения к российской бюрократии в целом. Консерваторы были склонны к подчеркнuto негативным характеристикам бюрократического аппарата. В лучшем случае, речь шла

о его «бессилии»⁷⁹, в худшем – о сознательных выступлениях высших должностных лиц против самодержавия.

Председатель Русского Собрания М.Л. Шаховской в декабре 1908 г. писал: «...на верхах все, что только хотя мало-мальски проявляет стремление к укреплению самодержавия, выживается из среды правителей и заменяется властью Крыжановских и компании»⁸⁰. А А.И. Дубровин утверждал, что бюрократ страшнее революционера: «...Как вылощенный октябрист опаснее несуразного, бестолкового эсера или эсдека, так благовоспитанный, законопорядочный бюрократ вдесятеро опаснее союзу и святому русскому делу, чем заправский бомбист-революционер»⁸¹.

Консервативные публицисты связывали враждебность бюрократии самодержавию с ее социальными интересами. С.Ф. Шарапов подчеркивал, что власть - главное достояние чиновника, и он пойдет на все ради ее сохранения. «Бюрократия на все согласна: и на конституцию, и на революцию, лишь бы распорядилась, составляла правила и законы и руководила всем она»⁸². Предлагались и иные варианты интерпретации социальных интересов чиновничества. Если у Шарапова интересы бюрократа определялись тем, что тот выступал в качестве собственника капитала-власти, то для дворянского деятеля В.Н. Ознобишина чиновник был обыкновенным наемным работником. «Я не вижу принципиальной разницы между тем флагом, под которым идет бюрократия и другим общеизвестным: «Пролетарии, т.е. наемники всех стран, соединяйтесь», - говорил Ознобишин в марте 1908 г.⁸³. А Н.Д. Облеухов подчеркивал социальную близость между бюрократом и интеллигентом. «Тон идейной жизни правящих классов дает левая интеллигенция... Из этой же среды вербуются бюрократия, состоящая поэтому в близком духовном родстве с революционной интеллигенцией. Конечно, заведомых революционеров среди чиновников сравнительно немного, но важно то, что принципиальная общность взглядов, основанная на единстве общественной среды и воспитания, между этими двумя общественными силами существует»⁸⁴. Член думской фракции правых Г.А. Шечков подчеркивал близость профессиональных бюрократов к профессиональным политикам⁸⁵.

Бюрократов часто упрекали в космополитизме. Этот мотив был характерен, в первую очередь, для националистов, которые обвиняли бюрократию в органической неспособности отстаивать господство русской нации. «Сторонники безнационального

бюрократизма, сдавшего Россию инородцам, переродиться не могут», - утверждал А.И. Савенко⁸⁶.

В выступлениях консерваторов практически отсутствовали положительные оценки бюрократии, аппарата власти в целом. При этом степень резкости высказываний варьировалась в весьма широких пределах. Обычно более сдержанно вели себя националисты, укорявшие чиновничество в отсутствии должного рвения в защите консервативных ценностей. Куда резче отзывались о бюрократии думские правые и особенно сторонники А.И. Дубровина, обвинявшие ее в сознательном разрушении самодержавия. Что же касается правительства как такового, то оно не просто вызывало серьезные претензии консерваторов, но, чем дальше, тем больше воспринималось ими как политический оппонент. В результате к концу рассматриваемого периода исполнительная власть могла рассчитывать, в лучшем случае, на условную поддержку справа⁸⁷.

При всех разногласиях в оценке конкретного правительства и его действий, консерваторы были единодушны в утверждениях о принципиальной поддержке монарха и исполнителей его воли - министров. С представительными учреждениями дело обстояло гораздо сложнее. Здесь налицо были глубокие расхождения не только практического, но и теоретического свойства.

В.А. Грингмут полагал, что представительство несовместимо с самодержавием. «Других народных “представителей”, кроме Государя Императора, в России быть не может, ибо никто кроме Него не может сочетать в себе *всю* совокупность *всех* государственных, сословных и классовых интересов Русского народа во всей преемственной связи настоящего, прошедшего и будущего России»⁸⁸. Однако большинство консерваторов такой подход не устраивал. А.А. Киреев резко критиковал Грингмута: «Нет! Теперь без Думы управлять уже нельзя. Не будет этой Думы, будет 4, 5, 6-ая...»⁸⁹.

Другое дело, что, по мысли Киреева, Дума должна была стать не законодательной, а законосовещательной. Идеальным, безусловно полезным для самодержавия, образцом законосовещательного учреждения чаще всего служил Земский Собор. «Полное осуществление единения Царя с народом должно выразиться в историческом

учреждении – в Земском Соборе...», - утверждал председатель Союза русских людей А.Г. Щербатов⁹⁰.

В пользу законосовещательных органов высказывался и Союз Михаила Архангела,⁹¹ и его оппоненты из Всероссийского Дубровинского союза русского народа. Причем в отличие от более умеренных правых деятелей, полагавших, что к этой цели надо стремиться, сторонники А.И. Дубровина полагали, что Дума уже стала органом законосовещательным. «В России, согласно Основным Законам и Государевым манифестам, гос. дума учреждена не для законодательной, а для законосовещательной работы», - констатировало «Русское знамя»⁹². Впрочем, чего же на самом деле хотели сторонники Дубровина, выяснить сложно, так как приведенные выше рассуждения перемежались призывами вообще Думу ликвидировать⁹³.

Иной точки зрения придерживались националисты. Важнейшим элементом их государственного идеала являлись законодательные представительные органы. В официальном издании «Националисты в III Думе» говорилось: «...Представительный образ правления должен быть незыблемым... Только законодательная власть представительных учреждений может оградить Россию от осужденных историей приемов бюрократического управления»⁹⁴.

Оценки реального облика и конкретных шагов представительных институтов разнились не меньше, чем теоретические конструкции консерваторов. Выше других реально существующую Государственную Думу оценивали националисты. III Дума провозглашалась наиболее близкой к консервативному идеалу представительного учреждения. Накануне открытия очередной сессии «Новое время» посвятило Думе восторженную редакционную статью, в которой отмечался особый вклад Думы в достижение политической стабильности. «Если вспомнить, что всего пять лет отделяют нас от того времени, когда Дума, руководимая кадетами, шумно хотела объявить себя русской “конституантой” и наполнила страну тревогой и неуверенностью в завтрашнем дне, то нельзя не преклониться перед тактом и политической мудростью третьей Думы: она заставила забыть эту тревогу и верить в прочную будущность нашего нового законодательного строя»⁹⁵. «Думой патриотизма и честного труда» называл III Думу А.И. Савенко⁹⁶.

Однако перечень недостатков представительных институтов выглядел намного внушительнее, чем перечень их достоинств. Даже самые последовательные поклонники представительства среди консерваторов не могли не признать серьезных изъянов в российской парламентской культуре. «... Учредить парламент гораздо легче, чем выработать парламентские нравы, сдержанную терпимость, культурное уважение к чужому мнению и прочие добродетели, которыми держится парламентская жизнь Запада. Отсутствие их резко сказывается на всей работе нашей четырехлетней малышки-Думы», - писало 2 июня 1910 г. «Новое время»⁹⁷.

Говоря о недостаточной эффективности законодательной деятельности, газета обращала внимание на жесткое противодействие реформаторским инициативам справа⁹⁸. П.Н. Дурново «Новое время» характеризовало так: «Маг и волшебник в деле созидания различных препонов и преткновений, он ведет борьбу не против враждебных течений государственной мысли, а против поставленных на определенное место лиц, все использует как орудие канцелярски оппозиционного спорта и сводит консерватизм, долженствующий охранять прочную и неразрывную связь законодательства с историей, к непрерывной законодательной обструкции»⁹⁹.

Но гораздо большая опасность, по мнению нововременских авторов, угрожала представительным институтам слева. М.О. Меншиков относил их главные неудачи на счет недостаточно «надежного» в национальном и политическом отношении депутатского корпуса. «Чернь, революционеры, инородцы присутствуют и в третьей Думе, и именно производимому ими брожению нужно приписать неуспех нашего парламента»¹⁰⁰. Деятельность Думы и Совета, в конце концов, разочаровала даже тех, кто поддерживал эти учреждения в принципе и позитивно оценивал их шаги. О своем отвращении к «квазизаконодательной деятельности» сообщал В.В. Шульгин¹⁰¹. «...Из Думы ничего не выходит», - жаловался в разгар последней «мирной» думской сессии зимой 1914 г. А.И. Савенко¹⁰².

Значительно более жестко относились к представительным учреждениям думские правые. Даже признавая преимущества III Думы по сравнению с предшественницами¹⁰³, они подчеркивали ее несоответствие идеалу. «...К такой Думе правые относились, конечно, отрицательно. Они говорили: *идея хороша, но осуществление ее плохо*», - утверждалось в официальном труде «Правые в III Думе»¹⁰⁴. Если национали-

стов смущала слабость парламентских традиций и нравов, то правым казалось, что парламентаризм в принципе несовместим с российской государственностью. Они демонстрировали презрение к разного рода парламентским комбинациям: «Здесь поприжать, “сосчитаться”, там выторговать, тут устроить парламентскую комбинацию на взаимном компромиссе – плохой, неверный путь и для законодательства, и для государственного строительства вообще»¹⁰⁵. «Партийность и уسوبничество сводят Думу с высоты истинного государственного учреждения; но таково уж свойство всякого учреждения парламентарного типа! - говорил весной 1913 г. Г.А. Шечков в Русском Собрании. - Парламентарность и ничто иное низводит Думу до просто партийности, и этого подрыва ее значения не устранить никакими переменами или перетасовками в личном составе учреждения»¹⁰⁶.

Некоторых консерваторов смущал и действовавший в Думе и Совете принцип принятия решений по большинству голосов. В мае 1914 г. К.Н. Пасхалов сокрушался, что решение провалить законопроект о волостном земстве было принято в Государственном Совете большинством всего в 5 голосов. «Как не приходиться в ужас, когда судьба государства отдана в зависимость от случайного подсчета голосов, а Верховная власть лишена возможности разумного критериума и может только изречь “да” или “нет” решению большей цифры»¹⁰⁷. В.П.

Мещерский высказывал пожелание вернуться к старому принципу: представлять государю мнения большинства и меньшинства членов Совета¹⁰⁸.

Поклонники славянофильства широко использовали тезис о несоответствии российских представительных учреждений национальному характеру и традициям народа. «Делайте с нами, что хотите, выворачивайте, как хотите выборный закон, выбирайте лучших из лучших, спокойнейших из спокойных, умнейших из умных – в эти рамки вы нас не затиснете, и из русского парламента ничего, кроме нынешней чепухи и безобразия, не будет», - писал под впечатлением первых заседаний III Думы, которую он называл «Думой солидной бестолочи», С.Ф. Шарапов¹⁰⁹. По мнению Д.А. Хомякова, Дума противоречит русским традициям, ибо сковывает свободу воли самодержца, втягивает народ в «политику», вносит разлад в отношения между людьми¹¹⁰.

В рассматриваемый период появилось множество проектов реформы представительных учреждений, означавших покушение на Основные Законы справа. Различные

варианты реформы представительных учреждений предлагали такие видные консервативные деятели, как В.П. Мещерский¹¹¹ Л.А. Тихомиров¹¹², К.Н. Пасхалов¹¹³, М.О. Меньшиков¹¹⁴. Изменить выборное законодательство, а заодно и некоторые положения Основных Законов предлагал в разгар мартовского кризиса 1911 г. лидер Русской национальной фракции П.Н. Балашов¹¹⁵. Аналогичные предложения высказывали думские правые. Весной 1913 г. в печать просочились сведения о совещании правых членов Государственной Думы, Государственного Совета и представителей Объединенного дворянства. Судя по опубликованному в газетах факсимиле повестки дня заседания фракции правых 3 марта 1913 г., речь на нем шла о необходимости распустить IV Государственную Думу, об изменении порядка выборов и даже «о необходимости корректива в способе решения вопросов в Государств. Думе по большинству голосов»¹¹⁶. И хотя ни этот, ни иные планы реформы представительства так и не были реализованы, само их распространение и популярность среди консерваторов различных толков говорили о нежелании поддерживать сложившуюся после революции 1905 г. политическую систему.

Рассуждая о соответствии отдельных политических институтов государственным потребностям, консерваторы не уходили и от оценок положения в стране в целом. С течением времени эти оценки становились все более жесткими и пессимистическими

Разгон мятежной II Думы, символическая победа над революцией, казалось, давали все основания для оптимизма. И в самом деле, первая реакция на роспуск Думы и новый избирательный закон во всех частях консервативного политического спектра была позитивной. Эти шаги вызвали удовлетворение у А.И. Дубровина¹¹⁷ и В.П. Мещерского¹¹⁸, М.О. Меньшикова¹¹⁹ и А.И. Савенко¹²⁰.

Правда, уже тогда многим действия властей показались недостаточно радикальными. «Едва ли настолько существенны изменения избирательного закона, чтобы уверовать в 3-ю Думу?» - писал 8 июня 1907 г. С.Д. Шереметев Ф.Д. Самарину¹²¹. Аналогичным образом рассуждал и А.А. Киреев¹²². Л.А. Тихомирова 3-е июня не примирило с Основными Законами 1906 г.¹²³. И даже М.О. Меньшиков считал, что дело не было доведено до конца, и правительству надлежит продолжать в том же духе, «не останавливаясь перед дальнейшими усовершенствованиями нового строя»¹²⁴.

Первая думская сессия вызвала бурное разочарование значительной части консерваторов. Позитивные тона в оценке существующего в стране положения в период III Думы сохранялись в основном на страницах официозной «России» и пронационалистического «Нового времени». Большинство же консервативных изданий, в том числе напрямую зависевшие от правительственных дотаций «Московские ведомости» во главе с Л.А.Тихомировым, демонстрировали откровенно негативное отношение к действительности.

Крайне жестко оценивали положение дел правые политики. «Тяжко отражаются на мне отголоски событий, - писал С.Д. Шереметев. - Вся совокупность современного положения, чувство скорби и приниженности волнует дух и действует на сердце. Газеты переполнены речами современных героев. Порнография торжествует вместе с жидовской прессой; народное развращение ничем не останавливается, глумление надо всем, что нам дорого и свято, продолжается безнаказанно. Сил нет выслушивать и терпеть. А кругом малодушие, эгоизм, подлость и ложь. Не слышно центрального слова, воодушевляющего дух»¹²⁵. Похожие картины рисовал и А.С. Вязигин¹²⁶.

Вскоре недовольство распространилось и на умеренных консерваторов - националистов. Их идеолог М.О. Меньшиков поддержал Л.А. Тихомирова, давно утверждавшего, что новые порядки не пользуются поддержкой населения. В январе 1909 г. нововременский публицист заметил: «Правые партии имеют право и долг добиваться в своей стране мирными средствами того порядка, который они признают наилучшим. Нынешний порядок им не нравится, но ведь *он никому не нравится* (курсив мой. — М.Л.), что не мешает ему держаться довольно крепко»¹²⁷.

Разочарование в системе российской власти и в ее конкретных носителях со временем заметно усилилось. Об этом, в частности, свидетельствуют письма избранного в IV Думу А.И. Савенко, которые пестрели фразами типа: «мы идем к полному развалу и к новой революции»¹²⁸, «развал везде полный»¹²⁹, «мы катимся куда-то по наклонной плоскости»¹³⁰.

В начале 1914 г. М.О. Меньшиков подводил итоги постреволюционного периода: «Что дела у нас запущены невероятно, что во многих важных отношениях (не во всех ли?) мы близки к параличу, - это для меня вполне бесспорно, как только я пробую пристально взглянуть в ход вещей. Законодательство, вырабатывающее “реформы”

по 30, 50, по 100 лет, чтобы принятый таким образом закон тотчас же признать неудачным - разве такое законодательство не близко к параличу. А финансы, основанные на необходимости ежегодно делать за границей долги. А армия и флот, которые все еще не вооружены и не устроены. А церковь без верующих, школа без желающих учиться? Словом, наша государственность трещит по швам»¹³¹.

На противоположном фланге консервативной части российского идейно-политического спектра также царило уныние. «Переходное состояние тянется, тянется, точно позднее осеннее ненастье. ... И вот я смотрю кругом. Вместо людей – гады. Люди отходят, уходят, и гадам все привольнее. Вне наших идей – полная гибель; но людей не видно и у нас. Умирать еще рано, - я не чувствую смерти, но жить невозможно. Подвиги? В ноябрьскую слякоть гроза невозможна», - страдал Б.В. Никольский¹³². Похожие терзания испытывал и А.И. Дубровин: «О политике писать воздержусь, - слишком бы далеко завела и все-таки все бы в письме не исчерпать. Скверно, хуже, кажется, не может быть. Нужно быть готовым на все мерзкое»¹³³.

Недовольство положением дел рождало самые мрачные прогнозы. «В Думе и правительственных сферах полный маразм, и это подрывает настроение. Мы катимся куда-то вниз по наклонной плоскости... Мне кажется, что момент для уступок умеренным кругам общества упущен: теперь уступки не принесут примирения и успокоения. Струны слишком натянули и перетянули... В общем, я на будущее смотрю мрачно», - писал в Киев за два месяца до начала первой мировой войны А.И. Савенко¹³⁴.

О грядущей революции задумывался В.М. Пуришкевич. Буквально накануне войны он выпустил книгу, в которой живописал, как левые захватили контроль над школой, обеспечив себе культурную гегемонию¹³⁵. «Через 10 лет (если то, что творится теперь, будет продолжаться) у Государя не будет армии, ибо армия выходит из народа, а народ создается школой... Когда я писал эту книгу, окруженный только документами, я страдал, прозревая дни грядущие, ужасные дни второй революции, которая будет безмерно страшнее и опаснее того, что пережила Россия в 1905-1906 гг. Тогда ведь народ еще был цел, а теперь этого уже нет, ибо яд духовного разврата растлил его душу, и пропасть между ним и космополитической “интеллигенцией” нашей заполняется с каждым днем все больше и больше»¹³⁶.

К тому же ряду мрачных пророчеств относится и знаменитая «Записка Дурново», автор которой сумел с высокой степенью точности предсказать катастрофические последствия назревавшей войны для Российской и Германской империй¹³⁷.

* * * * *

Итак, консерваторы проявляли глубокое недовольство положением дел в России и рисовали ее будущее в мрачных тонах. Критическое отношение к действительности было сильнее выражено у сторонников А.И. Дубровина, слабее – у националистов. С течением времени указанное недовольство распространялось справа налево, охватив к началу первой мировой войны и представителей левого фланга российского консерватизма. Их негативный настрой особенно усилился после гибели Столыпина, который воспринимался как символ консервативной реформы, выдержанной в «национальном духе». Консерваторы разных толков, и оппоненты, и сторонники реформ, сходились в негативной оценке текущего, межеумочного положения, не удовлетворявшего ни тех, ни других.

Объяснение этому, как представляется, следует искать, прежде всего, в специфическом отношении консерваторов к российской модернизации. Хотя российский консерватизм принципиально не отрицал необходимость адаптации к новым реалиям, консерваторам было крайне сложно принять тот вариант социально-экономической и политической модернизации, который на практике осуществлялся в России.

С одной стороны, социальная база российского консерватизма была явно неадекватна новым веяниям. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты изучения социокультурных характеристик членов консервативных фракций III Государственной Думы. Исследование, проведенное с использованием методов корреляционного анализа, привело автора к неожиданным, хотя и вполне логичным с точки зрения настоящей работы, выводам. Оказалось, что к консервативным думским фракциям (правые, умеренно-правые, националисты) значительно чаще, чем к либеральным, присоединялись люди с низким уровнем доходов, аграрии (и крестьяне, и помещики), священнослужители. К консерваторам тяготели этнические русские (в категорию «русские» статистика наряду с великороссами включала белорусов и малороссов) и

лица, исповедовавшие православие¹³⁸. Аналогичную картину рисуют и статистические данные о депутатах IV Государственной Думы¹³⁹. С консерваторами идентифицировали себя привилегированные этноконфессиональные группы, которые в силу бедности, невысокого образовательного уровня и связи со стагнировавшим сельским хозяйством, были лишены реальных шансов на успех в быстро модернизовавшейся России. Российский консерватизм превратился в политическое выражение интересов социальных слоев, потерявших былое влияние и наименее приспособленных к новым условиям.

С другой стороны, у конфликта между консерватором и статус-кво присутствовало не только социологическое, но и «ценностно-идеологическое» измерение. Идеалы российского консерватора кануна первой мировой войны были откровенно архаичны и, в сущности, представляли собой вариации на тему старой триады «Православие. Самодержавие. Народность». Между тем, еще до 1905 г. страна довольно далеко продвинулась вперед по пути экономической модернизации¹⁴⁰. Введение политических свобод и создание законодательных представительных институтов стали важнейшим шагом на пути модернизации политической. В результате представления консерваторов об оптимальной модели государственного устройства вступили в прямое противоречие с реалиями «обновленной России»¹⁴¹.

Консерваторы пытались осмыслить реальность в рамках знаковой системы, разработанной в другое время и для других условий. При этом корректировка представлений о действительности осуществлялась не столько за счет модификации содержания традиционных символов, сколько за счет мысленной «подгонки» к ним российских реалий. В результате консерваторам удавалось увидеть то, чего на самом деле не существовало: неограниченные возможности самодержца, неизбывное стремление народа к единению с монархом, законосовещательную Думу и т.п. Однако со временем становилось все более очевидным, что консервативный образ мира оказался в конфликте с действительностью: она не соответствовала тому, что казалось консерватору нормой и следовательно – становилась недостойной сохранения.

Наряду с указанными обстоятельствами важную роль сыграли и изменения в политической обстановке в стране. Надежды на «успокоение», на бесконфликтное сосуществование монархии, правительства и представительных учреждений, порожден-

ные решительными действиями власти 3 июня, развеялись еще до смерти П.А. Столыпина. Рост студенческого и рабочего движения, активизация либеральной оппозиции, скандальное прохождение закона о Западном земстве, нежелание Госсовета принимать одобренные Думой законопроекты свидетельствовали о том, что новый политический порядок не дал вожделенной политической стабильности.

В итоге, еще до войны консерваторы перестали рассматривать себя в качестве опоры третьеиюньского политического порядка. Представляется, что это обстоятельство, не в меньшей степени, чем давление слева, обусловило быстрый и необратимый распад старой власти в 1917 г. Явно не устраивая социалистов и либералов, статус-кво не устаивал и консерваторов¹⁴².

---

*Исследование, положенное в основание настоящей статьи, было проведено при финансовой поддержке Проекта помощи научным исследованиям института «Открытое общество»/ Программы поддержки высшего образования, грант №372/1997, (Research Support Scheme of the Open Society Institute/Higher Education Support Program, grant No. 372/1997) и Региональной программы обмена исследователями (Regional Scholar Exchange Program) Американских советов по международному образованию: АСПРЯЛ/ АКСЕЛС (American Councils for International Education: ACTR/ACCELS). Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам Русского и Восточно-европейского центра и Славянской библиотеки Университета Иллинойса/Урбана-Шампейн за помощь в написании данной работы.

¹ См., например: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914. М., 1981; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.; Hosking G.A. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973; Manning R.T. The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. Princeton, 1982; Waldron P. Between Two Revolutions. Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. De Kalb, 1998.

² См.: Manning R. T. The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton, 1982. P. 325–371; Weislo F.W. Reforming Rural Russia. State, Local Society and National Politics, 1855–1914. Princeton, 1990. P. 243–304.

³ См.: Korros A.S. Legislative Chamber History Overlooked: The State Council of the Russian Empire, 1906–1917 // Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion. Ed. by A. Geifman. Oxford, 1999. P. 241–268; Бородин А.П. Государственный Совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 169–234.

⁴ Этим термином обычно обозначалась новая конфигурация политических институтов, сложившаяся под воздействием революции и реформ.

⁵ См., например: Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party, 1907–1917. New Brunswick, 1980. P. 200–201; McDonald D.M. The Durnovo Memorandum in Context: Official Conservatism and the Crisis of Autocracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Vol. 44. № 4. P. 481–502; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 152–170.

⁶ Тихомиров Л.А. Нужны ли принципы? // Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 1910, 1911 гг.). М., 1912. С. 69.

⁷ См., например: Huntington S. Conservatism as Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51, № 2. P. 454–473.

⁸ Интерпретация консерватизма как идеологии сохранения статус-кво может привести к утверждению о том, будто поборники так называемого «реального социализма» являлись прямыми наследниками Э. Берка. См., например: Tännjö T. Conservatism for Our Time. London; New York, 1990. Положение о том, что консерватизм несводим к защите статус-кво и противодействию переменам, широ-

ко распространено в современной историко-социологической литературе. См., например: Honderich T. *Conservatism*. London, 1990; Quinton A. *Conservatism // A Companion to Contemporary Political Philosophy* / Ed. by R.E. Goodwin and P. Pettit. Oxford, 1993. P.244–268; Müller J.Z. *What is Conservative Social and Political Thought? // Conservatism. An Anthology of Social and Political Thought from David Hume to the Present* / Ed. by J.Z. Müller. Princeton, 1997 P. 3– 31. Особый интерес в этой связи представляет суждение Д.Аллена о естественности отчуждения консерватора от статус-кво. Без такого отчуждения была бы немислима сама трансформация нерелефлюгирующего традиционализма в консерватизм как особую идеологическую конструкцию. См.: Allen D. *Modern Conservatism: The Problem of Definition // Review of Politics*. 1981. V. 43, № 4. P. 583–603.

⁹ Аналогичным образом выглядело и кредо появившейся в IV Думе группы Центра во главе с П.Н. Крупенским, куда вошли многие влиятельные деятели из числа бывших членов русской национальной фракции. Председатель Группы В.Н. Львов сформулировал ее кредо так: «монархическая власть, русская народность, православная церковь». См.: Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. СПб., 1913. Стб. 359.

¹⁰ См.: Weeks T.R. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. De Kalb, 1996. P. 195.

¹¹ О проблеме соотношения между имперскими интересами и интересами русского населения империи см.: Hosking G. *Empire and Nation-Building in Late Imperial Russia // Russian Nationalism: Past and Present* / Ed. by G. Hosking and R. Service. New York, 1998. P.19–34). В течение 1912–1913 гг. были предприняты некоторые практические шаги по созданию консервативной политической группировки на вышеуказанной платформе. См.: Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 54–55; 169–170.

¹² Государственный скандал // Письма к ближним. 1909. № 3. С. 214.

¹³ Дневники // Гражданин. 1911. № 15. С. 15.

¹⁴ По мнению А.Н.Боханова, «пиететное отношение к самодержавию является единственно надежным критерием, позволяющим установить принадлежность определенных лиц и конкретных групп к консервативному сегменту» (Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. 2001. № 3. С. 113).

¹⁵ Грингмут В.А. Что про нас говорят // Грингмут В.А. Собрание статей. М., 1910. Вып. 4. С. 391.

¹⁶ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 156.

¹⁷ Там же. Сессия II. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 461–462. Против того, чтобы характеризовать русского самодержца как абсолютного монарха высказывались и многие другие консерваторы. См., например: Грингмут В.А. История народовластия. М., 1908. С.9; Шарапов С.Ф. Самодержавие или конституция? (Первые шаги 3-й «Думы солидной бестолочи»). СПб., 1908. С.22–23.

¹⁸ Ухтубужский П.[Облеухов Н.Д.] Неограниченная монархия, а не конституционная // Прямой путь. 1910. 27 марта. С.676.

¹⁹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С.135. Из консервативных политиков на тему неизменности существа царской власти чаще других высказывался Н.Е.Марков. См., например: Государственная Дума. Созыв третий. Сессия II. Ч.2. СПб., 1909. Стб. 2354–2355.

²⁰ См.: Казанский П.Е. Там же; Грингмут В.А. История народовластия. М., 1907. С. 68; Тихомиров Л.А. Народное представительство в законодательном деле // Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 1910, 1911 гг.). С. 263. В качестве важнейшего аргумента в пользу этого утверждения часто ссылались на образ действий монарха 3 июня 1907 г. Для консерваторов события 3 июня создавали прецедент, дополнительное основание для аналогичных действий в будущем. По их мнению, в этом случае право шло рука об руку с политической практикой. См., например: Грингмут В.А. С нами бог! С нами царь! Речь, произнесенная 17 июня 1907 г. на Общем Собрании Рязанского Отдела Союза Русского Народа // Грингмут В.А. Собрание статей. М., 1910. Вып. 4. С. 360.

²¹ Дневник А.В.Богданович, запись 3 октября 1907 г. // Богданович А.В. Три последних самодержца. М; Л., 1924. С. 429.

²² Дневник А.А.Киреева. Запись 22 декабря 1908 г. // ОР РГБ. Ф. 126, к. 14, л. 343 об. «Слабость характера» царя отмечал и А.С. Стишинский. См.: Дневник А.В. Богданович, запись 8 июня 1908 г. //

Богданович А.В. Указ соч. С. 447. См. также: Дневник А.С.Суворина, запись 23 июля 1907 г. // Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 448.

²³ Дневник Б.В.Никольского. Запись 1 июля 1912 г. // РГИА. Ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 254.

²⁴ Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 59.

²⁵ См. упоминания об этом дневнике А.В. Богданович: Дневник А.В.Богданович, записи 10 июня 1908 г., 21 ноября 1908 г., 31 августа 1909 г. // Богданович А.В. Указ соч. С. 447, 454, 466.

²⁶ Дневник Б.В.Никольского. Запись 1 июля 1912 г. // РГИА. Ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 254.

²⁷ Дневник Б.В.Никольского. Запись 28 октября 1913 г. // Там же. Л. 325 об.

²⁸ А.С.Вязигин – М.М.Бородкину, 11 января 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 916, л. 68. Мотивы беспокойства консерваторов очевидны: слухи компрометировавшие царственную черту воспринимались как угроза монархическим идеалам. О роли подобного рода слухов в десакрализации монархии см.: Figes O., Kolonitskii V. *Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London, 1999. P.9–29.

²⁹ Дневник Б.В. Никольского. Запись 28 октября 1913 г. // Там же. Л. 325 об. По свидетельству мемуариста, «в самых консервативных кругах... находили, что было бы великим счастьем, если бы Распутин не стало» (Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 335).

³⁰ Современное правосудие // Дым Отечества. 1914. № 22. С.1–2.

³¹ См., например: Материалы для характеристики контрреволюции в 1905 г. Из переписки Бориса Никольского с Антонием Волынским // Былое. 1923. № 21. С.156–186; Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т.1. М., 1953. С. 22; Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью Йорк, 1955. Кн. 2. С. 217.

³² М.М. Андронников – А.А. Орлову, 12 сентября 1907 г. // РГИА. Ф. 1617, оп. 1, д. 75, л. 3. Интересно, что аналогичным образом характеризовал позицию октябристов в 1913 г. А.И. Гучков: «Мы вынуждены отстаивать монархию против тех, кто является естественными защитниками монархического начала». Цит. по: Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 141.

³³ Общую характеристику политических взглядов Николая II см.: Steinberg M., Khrustalev V. *The Fall of Romanovs. Political Dreams and Personal Struggles in a Time of Revolution*. New Haven, 1995. P.1-37. Судя по всему, царь был близок к тем элементам в консервативной среде, которые стремились свести на нет результаты политических преобразований революционных лет. Как полагает Р. Уортман, Николай II видел в избирательном законе 3 июня 1907 г. лишь первый шаг к возрождению самодержавной власти (Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, 2000. Vol. 2. P. 527).

³⁴ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 214. О таких настроениях свидетельствуют и записи В.М.Пуришкевича. В конце 1917 г., будучи арестованным по обвинению в участии в заговоре против большевиков, Пуришкевич решительно отверг все подозрения в намерениях восстановить династию Романовых. Если его стремление снять с себя обвинения в монархическом заговоре можно легко списать на ситуацию, то аргументация достойна более серьезного отношения. Готовясь к речи в суде, Пуришкевич набросал тезисы, которые воспринимаются как прямое продолжение рассуждений предвоенных консерваторов: «Я монархист, но, увы, сейчас лишь идеолог монархизма 1. Ибо у меня нет кандидата. 2. А смешно было бы, создавая заговор, добиваться монархии, не намечая царя. 3. Кого? Николая II? Большого наследника и регентство Александры Федоровны, женщины, имени которой я спокойно слышать не могу? Михаила Александровича, открыто сказавшего, что он ждет воли Учредительного собрания? Кого? Кого? Скажите мне, граждане судьи, ибо я никого не знаю». («27 февраля мы могли стать гражданами...»: Тюремные записи В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 гг. // Исторический архив. 1996. № 5/6. С. 126).

³⁵ Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 127.

³⁶ Московские ведомости. 1911. 27 сент. Тремя днями раньше с аналогичными рассуждениями выступила официозная «Россия». См.: Россия. 1911. 24 сент.

³⁷ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам Высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 1.

³⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 314.

³⁹ Кузмин С. Под гнетом свобод (Записки националиста). Т. 1. СПб., 1910. С. 170.

⁴⁰ А.А.Киреев – Ф.Д.Самарину, 8 октября 1907 // ОР РГБ. Ф. 265, к. 156, д. 10, л.106 об.

⁴¹ Разумеется, из этого не следует, что никто из министров не пользовался симпатиями справа. Речь идет об отношении к правительству как к целому. При этом консерваторы были склонны преувеличивать степень солидарности членов министерства. Впрочем, мнения историков относительно согласованности действий глав отдельных ведомств существенно расходятся. См., например: Флоринский М.Ф. Кабинет П.А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906–1911 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1993. Вып. 2. С. 34; Korros A. S. Legislative Chamber History Overlooked: The State Council of the Russian Empire, 1906–1917 // Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion. P.258.

⁴² Пасхалов К.Н. Слова и дела // Пасхалов К.Н. Сборник статей, воззваний, записок, речей, писем и проч. М., 1909. Т. 2. С. 358.

⁴³ ГАРФ. Ф. 588, оп.1, д. 910а, л.90-90 об.

⁴⁴ А.А.Римский-Корсаков – А.П.Роговичу, 8 июня 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265. д. 213. л. 56.

⁴⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1499. Особую значимость этому заявлению придавало то обстоятельство, что МВД активно поддерживало В.М.Пуришкевича и его союзников И.И.Восторгова, Н.Е.Маркова в стремлении сделать русскую правую более умеренной, оттеснив от руководства Союзом русского народа А.И. Дубровина и Б.В. Никольского. Подробнее об этом см.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С.162–213.

⁴⁶ С.Ф.Шарапов – М.М.Андронникову, 6 октября 1910 г. // РГИА. Ф. 1617, оп. 1, д. 682, л. 20.

⁴⁷ Подробнее об этих событиях см.: Аврех А.Я. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С.61–112; Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968. С.318–366; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С.212-241;

⁴⁸ «Этот закон проведен помимо Государственной Думы, помимо Государственного Совета, и как верноподданный я подчиняюсь, я не смею об этом законе, о пользе или вреде его, ныне рассуждать, я нахожу, что издание этого закона таким путем, как он издан, это есть торжество наших принципов, принципов неограниченного царского самодержавия, и как таковое торжество я приветствую проведение этого закона, не касаясь того, как он проведен, по ст. 87, 89 или 91; он проведен, «быть посему», - слова Государя Императора, - с меня довольно...», - заявил он (Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия IV. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 786).

⁴⁹ Там же. Стб.787–789.

⁵⁰ Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия VI. СПб., 1911. Стб. 1452.

⁵¹ С.Д.Шереметев – Марии Федоровне Романовой, 23 марта 1911 г. // РГАДА. Ф. 1287, оп. 1, д. 5056, л. 56 об.

⁵² Новое время. 1911. 18 мар.

⁵³ Д.А. Хомяков – К.Н. Пасхалову, 10 февраля 1912 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 560, л. 483. В глазах последователя А.И. Дубровина А.И. Соболевского смерть от руки убийцы была для Столыпина «законным возмездием». См.: А.И. Соболевский – Ю.А. Кулаковскому, 9 сентября 1911 г. // ГАРФ. Ф.102, оп. 265, д. 507, л. 38.

⁵⁴ Русское знамя. 1911. 8 сент.; Прямой путь. 1911. Октябрь. С. 7. Перепечатка статьи в «Прямом пути» сопровождалась важной оговоркой: «Не соглашаясь с резкостью приводимой ниже статьи, напечатанной в газ. «Рус. Зн.», вполне присоединяемся к оценке личности и деятельности покойного П.А.Столыпина». Интересно, что в следующем номере «Прямого пути» дубровинцев именовали «сообщниками и пособниками Мордки Богрова». См.: Прямой путь. 1911. Ноябрь. С.82–86.

⁵⁵ «Жидофилом» именовал Коковцова и Д.А. Хомяков. См.: Д.А. Хомяков – Т.М. Аверину, 4 января 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 916, л. 27.

⁵⁶ К.П. Пасхалов – Д.А. Хомякову, 3 октября 1911г. // Там же. Д. 507, л. 91.

⁵⁷ Представленная В.Н. Коковцову «Докладная записка от национально-монархических организаций», в сущности, сводилась к перечню требований по национальным вопросам («еврейскому», «финляндскому», «польскому»). См.: Прямой путь. 1911. Октябрь. С. 8–18. Лидер националистов П.Н. Балашов прямо заявил Коковцову, что националисты поддержат его лишь при условии продолжения столыпинского курса в национальных отношениях. См.: Коковцов В.Н. Из прошлого. Воспоминания, 1903–1919. М., 1992. Кн.1 С.413.

⁵⁸ А.С.Вязигин – Т.И.Вязигиной, 21 февраля 1912 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп.265, д. 562, л. 610.

⁵⁹ Л.Ч. Декларационная декада // Прямой путь. 1913. Вып. 1. С. 228. В.М. Пуришкевич заявил в Думе, что правительство «систематически отшибает от себя правые фракции». См.: Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. Ч. I. Стб. 302.

⁶⁰ Там же. Ч. 3. Стб. 66.

⁶¹ Современники высказывали противоположные суждения относительно адекватности «министерской забастовки» фразе Маркова. См., например: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919. М., 1992. Кн. 2. С. 136–140; Gurko V.I. Features and Figures of the Past. Government and Opposition in the Reign of Nicholas II. New York, 1970. P.527–528.

⁶² А.И. Соболевский - Т.Д. Флоринскому, 25 февраля 1912 г. // ГАРФ. Ф.102, оп. 265, д. 562, л. 654 об. Аналогичные обвинения в адрес А.А. Макарова выдвигал и Б.В. Никольский. См.: Дневник Б.В.Никольского. Запись 4 июля 1912 г. // РГИА. Ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 255–255 об.

⁶³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1913. Стб.407-420.

⁶⁴ Там же. Стб.408.

⁶⁵ Там же. Стб.552.

⁶⁶ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 2. С.28.

⁶⁷ Упадок доверия // Письма к ближним. 1913. №5. С.337. В этой статье автор намекал на то, что выступления против Коковцова справа являются скоординированной акцией националистов и правых. Он назвал майскую речь Н.Е. Маркова «блестящей». См.: Там же. С. 338.

⁶⁸ Новая эра // Письма к ближним. 1914. № 2. С. 79.

⁶⁹ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 26 марта 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 922, л. 621. Чуть ранее тот же автор утверждал: «Коковцов губит Россию». См.: А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 6 марта 1913 г. // Там же. Д. 920, л. 469.

⁷⁰ Обоснование ее позиции см., например, в выступлении В.Н.Львова при обсуждении правительственной декларации в ходе первой сессии IV Думы: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. ч. 1. СПб., 1913. Стб. 356–359.

⁷¹ «Кокоты, кокодеки, кокодессы». Изобретатели подобного рода кличек, очевидно, стремились сыграть на созвучии сокращения «ко-ко» («консерваторы-конституционалисты» – так называли себя сторонники Центра) и фамилии главы министерства.

⁷² Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911–февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. №6. С.30–31.

⁷³ «Хуже не будет, а лучше может быть», - писала газета по поводу перемен в правительстве 1 февраля 1914 г.

⁷⁴ О репутации Горемыкина свидетельствует пометка на донесении о назначении Горемыкина премьером: «...Горемыкин – старый, ленивый реакционер». См.: PRO FO. 371. V.2091. P.89. Buchanan to Grey. February 11, 1914. Minutes.

⁷⁵ Д.А. Хомяков – К.Н. Пасхалову, 18 марта 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 985, л. 404.

⁷⁶ К.Н. Пасхалов – Д.А. Хомякову, 10 мая 1914 г. // Там же. Д. 987, л. 668.

⁷⁷ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия II. Ч. 3. Стб. 1006–1021; Киевлянин. 1914. 4 мая.

⁷⁸ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 28 апреля 1914 г. // Там же. Ф. 102, оп. 265, д. 987, л. 608. «Во всех без исключения фракциях в большей или меньшей степени констатировалось недовольство правительственной политикой», - доносил о думских настроениях во время обсуждения бюджета на последней перед войной сессии Думы Л.К. Куманин (Вопросы истории. 2000. № 2. С. 26).

⁷⁹ См., например: Предвыборная тревога // Письма к ближним. 1912. № 9. С. 496.

⁸⁰ М.Л. Шаховской – Б.М. Юзефовичу, 21 декабря 1908 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 361, л. 13.

⁸¹ Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910. С. 2.

⁸² Шарапов С.Ф. Самодержавие или конституция? (Первые шаги 3-ей «Думы солидной бестолочи»). М., 1908. С. 43.

⁸³ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 80.

⁸⁴ Ухтубужский П. [Облеухов Н.Д.] Наши идеалы и современность // Прямой путь. 1912. Вып. 1. С. 17.

⁸⁵ «Между старой сановной бюрократией и новонарождающейся бюрократией выборной водворяется альянс; влиятельные думцы оболещаются видами на получение видных должностей, а властные бюрократы заручаются содействием господ подтасовщиков палатного большинства» (Шечков Г.А. Несостоятельность Государственной Думы ныне действующего закона // Мирный труд. 1913. № 3. С. 38).

⁸⁶ Сборник Клуба русских националистов. Киев, 1911. Вып. 3. С. 71.

⁸⁷ В декабре 1913 г. в резолюции, единогласно принятой фракцией националистов, поддержку правительству обещали лишь при условии, что «его действия являются закономерными и поскольку политика правительства соответствует программе национальной фракции». См.: Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911–февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 16.

⁸⁸ Грингмут В.А. История народовластия. М., 1908. С. 68.

⁸⁹ А.А. Киреев – Ф.Д. Самарину, 8 ноября 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 265, к. 156, д. 10, л. 113.

⁹⁰ Щербатов А.Г. Обновленная Россия. М., 1908. С. 35.

⁹¹ См.: Прямой путь. 1912. Май. С. 777. Стоит заметить, что до этого лидеры правых неоднократно заявляли о законодательном характере Думы. См., например: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 186; Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910. С. 189–190.

⁹² Русское знамя. 1912. 6 дек.

⁹³ См., например: Там же. 1912. 12 дек. На первой странице газеты часто появлялся призыв к разгону Думы, что, по крайней мере внешне, напоминало об успешной кампании за разгон второй Думы весной 1907 г. Подробнее о ней см.: Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P.196–200.

⁹⁴ Националисты в III Думе. СПб., 1912. С. 154–155.

⁹⁵ Новое время. 1910. 15 окт.

⁹⁶ Киевлянин. 1912. 14 июня.

⁹⁷ «Озверелость, грубость нравов, которая под конец уже, действительно, вошла как бы в обиход» отмечали и думские правые. См.: Юрский Г. [Замысловский Г.Г.] Правые в III Думе. Харьков, 1912. С. 243–244.

⁹⁸ Правое крыло Государственного Совета «все чаще выступает в роли оппозиции правительству», - говорилось в редакционной статье «Нового времени» незадолго до отклонения Советом законопроекта о земстве в Западном крае (Новое время. 1911. 23 фев.).

⁹⁹ Новое время. 1912. 26 апр.

¹⁰⁰ Именины «центра» // Письма к ближним. 1909. № 9. С. 725.

¹⁰¹ В.В. Шульгин – Г.Е. Рейку, 21 сентября 1912 г. // Там же. Д. 576, л. 2044.

¹⁰² А.И. Савенко – Е.А. Лебедевой, 16 января 1914 г. // Там же. Д. 981, л. 45.

¹⁰³ «Она была лучше первых двух своих предшественниц», - признавал в своем предвыборном воззвании Союз Михаила Архангела (Прямой путь. 1912. Май. С. 776).

¹⁰⁴ Юрский Г. [Замысловский Г.Г.] Правые в III Думе. Харьков, 1912. С. 14.

¹⁰⁵ Там же. С. 254.

¹⁰⁶ Шечков Г.А. Несостоятельность Государственной Думы ныне действующего закона // Мирный труд. 1913. № 3. С. 65.

¹⁰⁷ К.Н. Пасхалов – Д.А. Хомякову, 22 мая 1914 // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 988, л. 732.

¹⁰⁸ См., например: Дневник // Гражданин. 1911. № 30. С. 13. Применительно к Государственной думе аналогичные соображения высказывал Г.А. Шечков. См.: Шечков Г.А. Государственная дума и несостоятельность начала большинства как принципа государственно-общественного строительства. Харьков, 1912.

¹⁰⁹ Шаратов С.Ф. Самодержавие или конституция? (Первые шаги 3-ей «Думы солидной бестолочи») М., 1908. С. 46.

¹¹⁰ См., например: Д.Х. [Хомяков Д.А.] Клир и Государственная Дума. Тула, 1908. С. 22.

¹¹¹ Он неоднократно высказывался за такие меры в своем «Дневнике» на протяжении всего рассматриваемого периода. См., например: Гражданин. 1907. № 41–42. С. 23; Там же. № 43–44. С. 13; 1911. № 30. С. 13.

¹¹² См.: Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 г. М., 1907; Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. М., 1907; Статьи Тихомирова на эту тему составили солидную часть сборника «К реформе обновленной России», включившего в себя его статьи в «Московских ведомостях» за 1909–1911 гг. Предложения Тихомирова были поддержаны многими видными консерваторами. См.: Д.М. Бодиско – Л.А. Тихомирову. 23 июня 1912 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 571. л. 1525; А.А. Голенищев-Кутузов – Л.А. Тихомирову, 13 января 1912 г. // Там же. Д. 557, л. 121. Аналогичные соображения высказывал и П.Е. Казанский. См.: Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора: Очерки действующего русского права. Одесса, 1913.

¹¹³ См.: Пасхалов К.Н. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910.

¹¹⁴ См., например: Пересмотр машины // Письма к ближним. 1908. № 7. С. 413–416; Национальный союз // Там же. 1908. № 6. С. 351–352; Дума о Думе // Там же. 1912. № 6. С. 406–410.

¹¹⁵ См.: Письмо Балашова к Столыпину // Красный архив. 1925. Т. 2(9). С. 291–294.

¹¹⁶ Дым Отечества. 1913. № 10. С. 6–7. В дальнейшем эти планы были развиты министрами, симпатизировавшими правым, и был даже подготовлен проект императорского указа о роспуске Думы. См.: Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 309–312. Подробнее о попытках превращения Думы в законосовещательное учреждение в 1913 г. см.: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981. С. 114–117; Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 518–520, 526–527; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 158–161.

¹¹⁷ См.: Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. С. 341.

¹¹⁸ См.: Дневники // Гражданин. 1907. № 41–42. С. 23.

¹¹⁹ См.: Жребий брошен // Письма к ближним. 1907 № 6. С. 343.

¹²⁰ См.: Киевлянин. 1907. 4 июня.

¹²¹ ОР РГБ. Ф. 265, к. 208, д. 25, л. 105.

¹²² См.: Дневник А.А. Киреева, записи 4 и 5 июня 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 126, к. 14, л. 226 об.–227. Теми же соображениями 10 июня автор поделился в письме Л.А. Тихомирову. См.: ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 214, л. 22.

¹²³ «Канцелярское ... создание 1906 года (Основные Законы.- М.Л.), не имеющее оправдания ни в науке, ни в воле народной, никто не признает своим» - подчеркивал он летом 1907 г. (см: Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 г. М., 1907. С. 23.

¹²⁴ Жребий брошен // Письма к ближним. 1907. № 6. С. 346.

¹²⁵ С.Д. Шереметев – Ф.Д. Самарину, 4 мая 1908 г. // ОР РГБ. Ф. 265, к. 208, д. 25, л. 125. Письма Ф.Д. Самарина были выдержаны в той же тональности. «Чувствую, что силы стали не те, что прежде, но главное – нет охоты, нет веры в то, что можно чего-либо достигнуть», - писал он С.Д.Шереметеву 9 сентября 1908 г. // РГАДА. Ф. 1287, оп. 1, д. 5087, л. 55 об.

¹²⁶ См.: Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. 1928.Т.2(28). С.146–147; См. также: Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. М., 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. С. 424–425.

¹²⁷ Эволюция власти // Письма к ближним. 1909. № 1. С. 26.

¹²⁸ А.И. Савенко – Е.А. Дворжицкому, 24 мая 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 925, л. 910.

¹²⁹ А.И. Савенко – Н.К. Савенко, 30 мая 1913г. // Там же. Л. 936.

¹³⁰ А.И. Савенко – П.В. Давыдову, 5 июля 1913 г. // Там же. Д. 926, л. 1076.

¹³¹ М.О. Меньшиков – Н.Д. Кузнецову, 1 января 1914 г. // Там же. Д. 981, л. 2.

¹³² Дневник Б.В. Никольского, запись 7 апреля 1914 г. // РГИА. Ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 333 об.

¹³³ А.И. Дубровин – Н.Н. Родзевичу, 25 февраля 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 982, л. 272.

¹³⁴ А.И. Савенко – Б.В. Плескому, 18 мая 1914 г. // Там же. Д. 988, л. 708.

¹³⁵ См.: Пуришкевич В.М. Пред грозю. Правительство и русская народная школа. СПб., 1914.

¹³⁶ В.М. Пуришкевич – А.И. Орлову, 17 июня 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102, оп. 265, д. 989, л. 837.

¹³⁷ Едва ли есть необходимость излагать содержание этого документа, к которому, обращается уже несколько поколений историков, начиная с Е.В. Тарле (См.: Тарле Е.В. Германская ориентация и

П.Н.Дурново в 1914 г. // *Былое*. 1922. №19. С.161-176). С точки зрения рассматриваемой проблематики наибольший интерес представляет анализ «Записки» Д.М.Макдональдом. См.: McDonald D.M. *The Durnovo Memorandum in Context: Official Conservatism and the Crisis of Autocracy* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Vol. 44. № 4. P. 481 – 502.

¹³⁸ Подробнее о методике анализа и его результатах см.: Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. *Парламент самодержавной России. Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917*. Пермь. 1995. С.89–101.

¹³⁹ См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 245–253.

¹⁴⁰ Возможно, именно это обстоятельство объясняет негативную реакцию консерваторов на российские реалии 1881–1905 гг. Подробнее об этом см.: Newstad E.R.W. *Components of Pessimism in Russian Conservative Thought, 1881–1905*. Ph.D. diss., University of Oklahoma, 1991. Как полагает А. Мартин, инициированный «сверху» процесс трансформации общества создал для консерваторов серьезные проблемы в восприятии отечественных реалий уже в период становления российского консерватизма. См.: Martin A.M. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. De Kalb, 1997. P. 4.

¹⁴¹ Такой вывод, сформулированный Х.-Д. Лёве применительно к концептуальным построениям правых (см.: Löwe H.-D. *Political Symbols and Rituals of the Russian Political Right, 1900–1914* // *Slavic and East European Review*. 1998. Vol. 76, № 3. P. 465), может быть распространен на российский консерватизм в целом.

¹⁴² Еще одним доказательством этого является отсутствие сколько-нибудь влиятельного политического движения, стремившегося к восстановлению третьеиюньской системы после падения самодержавия. Спустя всего месяц после отречения Николая II В.М. Пуришкевич заявил, что «старая власть не может воскреснуть» (Пуришкевич В.М. *Без забрала*. Пг., 1917. С. 1. О реакции консерваторов на события 1917 г. см. подробнее: Колоницкий Б.И. *Правоэкстремистские силы в марте-октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати)* // *Национальная правая прежде и теперь*. СПб., 1992. Ч. 1. С. 111–124; Чхартишвили П.Ш. *Черносотенцы в 1917 году* // *Вопросы истории*. 1997. № 8. С. 133–143). Не пользовалась популярностью идея реставрации третьеиюньской монархии и в среде эмиграции. См.: Омельченко Н.А. *В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., о большевизме и будущих судьбах российской государственности*. СПб., 1996; *Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы* / Под ред. А.Ф.Киселева. М., 1999.